

**Китайская модель формирования технологического суверенитета:
механизмы и возможности применения в России¹**

Бондаренко Н.Е., научный сотрудник Дирекции по науке и инновациям, к.э.н.,
доцент,

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

Орлова М.А., младший научный сотрудник Дирекции по науке и инновациям,
к.э.н., доцент

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

Аннотация. В статье исследуется китайская модель технологического суверенитета на основе анализа государственной научно-технологической политики, финансирования НИОКР, участия бизнеса и трансфера разработок в производство. Показано, что её результативность определяется не только масштабом ресурсов, но и их институциональной координацией, обеспечивающей развитие технологических компетенций и локализацию критических технологий. Определены возможности использования механизмов китайского опыта в России.

Ключевые слова: технологический суверенитет, научно-технологическая политика, НИОКР, технологические компетенции, локализация технологий, китайская модель, технологическое развитие России

**The Chinese model of technological sovereignty: mechanisms and prospects for
application in Russia²**

---

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы № FSSW-2026-0003 «Методология оценки уровня технологического суверенитета и разработка концепции динамической устойчивости экономики РФ» за счет средств субсидии из федерального бюджета в рамках государственного задания Минобрнауки России.

² This article was prepared within the framework of research project № FSSW-2026-0003 «Methodology for assessing the level of technological sovereignty and developing a concept for the dynamic stability of the Russian economy», funded by a federal budget subsidy under the state assignment of The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Bondarenko N.E., Orlova M.A., Researcher at the Directorate for Science and Innovation, Ph.D. in Economics, Associate Professor

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Junior researcher at the Directorate for Science and Innovation, Ph.D. in Economics, Associate Professor

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Annotation. The article examines the Chinese model of technological sovereignty based on an analysis of national science and technology policy, R&D financing, business participation, and the transfer of research results into production. The study shows that its effectiveness depends not only on the scale of resources but also on their institutional coordination, which supports the development of technological capabilities and the localization of critical technologies. The study identifies the potential for applying mechanisms of the Chinese experience in Russia.

Key words: technological sovereignty, science and technology policy, R&D; technological capabilities, technology localization, Chinese model, technological development in Russia

Введение. Современный этап развития мировой экономики сопровождается изменением принципов организации международных хозяйственных связей. Геополитические противоречия, усиление технологической конкуренции и практика применения внешних ограничительных мер обусловили необходимость создания и воспроизводства государствами собственных технологических компетенций. Торговые потоки всё в большей степени формируются с учётом геополитической близости государств, а процессы «френдшоринга» отражают изменение принципов организации международного производства [11].

В этих условиях меняется и содержание промышленной политики – наряду с эффективностью участия в глобальных цепочках создания стоимости возрастает значение способности самостоятельно разрабатывать, осваивать и

воспроизводить критически важные технологии. Технологический суверенитет при этом не означает отказа от международного технологического сотрудничества. Речь идёт о формировании научно-технологического потенциала, позволяющего сохранять устойчивость экономики в условиях внешних ограничений.

Для Российской Федерации эта проблема стоит особенно остро. Ограничение доступа к отдельным технологиям повысило значение внутренних факторов технологического развития. Зарубежный опыт представляет интерес прежде всего как источник решений, позволяющих понять, каким образом государственная политика, научные исследования и промышленное развитие могут быть объединены в единую систему формирования технологических компетенций. Адаптация зарубежного опыта при этом требует учёта институциональных и структурных особенностей российской экономики.

Наглядным примером служит Китай. За несколько десятилетий КНР прошла путь от освоения зарубежных технологий к созданию собственной научно-технологической базы. Существенную роль в этом процессе сыграли государственная политика в области науки и инноваций, рост внутренних расходов на НИОКР, развитие исследовательской инфраструктуры и повышение роли предприятий в проведении исследований и разработок.

В статье анализируется китайская модель формирования технологического суверенитета, рассматриваемая как взаимосвязанная система формирования технологических компетенций. Цель исследования состоит в выявлении механизмов, определяющих эффективность китайской модели формирования технологического суверенитета, а также в определении её элементов, представляющих интерес для российской практики.

Для достижения поставленной цели используется метод анализа, статистический и исторический методы, а также метод case-study. Количественные показатели рассматриваются во взаимосвязи с изменениями научно-технологической политики и организации инновационной деятельности, что позволяет выявить механизмы, связывающие государственные приоритеты,

инвестиции в НИОКР, деятельность предприятий и формирование технологических компетенций.

Китайская модель формирования технологического суверенитета.

Формирование современной модели технологического суверенитета в Китае началось задолго до обострения глобальной технологической конкуренции и введения экспортных ограничений со стороны западных стран. Ещё в начале 2000-х годов научно-технологическое развитие стало рассматриваться как один из ключевых факторов структурной модернизации экономики и снижения зависимости от импорта критически важных технологий. Этот курс получил последовательное развитие в государственных стратегиях, а XIV пятилетний план (2021-2025 гг.) закрепил инновации в качестве центрального элемента национального развития, определив ускорение научно-технологического прогресса как условие экономической безопасности и международной конкурентоспособности.

Специфика китайского подхода заключается в тесной взаимосвязи научной, промышленной и инновационной политики. Государство не ограничивается финансированием исследований, оно определяет долгосрочные технологические приоритеты, связывает их с промышленной политикой и формирует механизмы поддержки исследований, подготовки кадров и развития инновационной инфраструктуры. Технологический суверенитет в этом смысле – не совокупность отдельных технологических достижений, а характеристика национальной инновационной системы, обеспечивающей полный цикл создания, освоения и масштабирования новых технологий.

Масштаб китайской модели виден прежде всего в динамике расходов на исследования и разработки. В 2024 г. внутренние расходы на НИОКР достигли 3,63 трлн юаней, увеличившись на 8,9 % по сравнению с 2023 годом, а интенсивность НИОКР составила 2,69 % ВВП [12]. Важен не только общий объём расходов, но и структура распределения средств. В 2024 г. на фундаментальные исследования в Китае было выделено 250,09 млрд юаней (+10,7 % к предыдущему году), на прикладные исследования – 430,55 млрд

юаней (+17,6 %), а на экспериментальные разработки – около 2,95 трлн юаней (+7,6 %) [12]. Доля фундаментальных исследований в этой структуре составила 6,88 %, что свидетельствует об ориентации политики не только на текущие потребности промышленного развития, но и на создание научной основы для долгосрочной технологической модернизации.

В финансировании исследований и разработок ведущую роль играет корпоративный сектор. В 2024 г. предприятия инвестировали в НИОКР 2 821,16 млрд юаней, обеспечив 77,7 % совокупных внутренних расходов на исследования и разработки, на государственные исследовательские организации пришлось 11,6 %, на учреждения высшего образования – 8,4 % [12]. При этом именно предприятия обеспечили основной прирост национальных расходов на НИОКР – 77,1 % [9]. Среднегодовой прирост внутренних расходов на НИОКР в 2021–2024 гг. носил устойчивый характер и составил 10,5 % [9].

Расширение финансирования НИОКР в китайской модели сопровождается изменением самой организации научно-технологической деятельности. Исследования согласуются с конкретными технологическими и производственными задачами, а научная инфраструктура с потребностями развития отраслей. Меняется и роль предприятия. Китайская политика не рассматривает бизнес лишь как потребителя результатов государственных исследований, а выделяет его как одного из основных субъектов инновационной деятельности. В XIV пятилетнем плане это закреплено определенными мерами в виде налоговых стимулов для НИОКР, государственных закупок инновационной продукции, поддержки совместных платформ университетов, научных организаций и бизнеса, а также создания отраслевых платформ и механизмов передачи результатов исследований в производство. Крупным предприятиям при этом отводится роль координаторов инновационной деятельности в производственных цепочках, а малым и средним технологическим компаниям выделена роль источников новых решений [15]. Такая конструкция имеет принципиальное значение для технологического суверенитета, поскольку при разрыве между научными исследованиями и производством рост расходов на

ННОКР не гарантирует формирования внутренних технологических компетенций. Китайская модель стремится сократить этот разрыв за счёт институционального сближения исследовательских организаций с предприятиями и конечными потребителями технологий. Статистика подтверждает усиление этой связи. В 2023 г. в Китае насчитывалось около 53 тыс. предприятий высокотехнологичного производства, относящихся к категории предприятий выше установленного статистического порога. Их расходы на ННОКР составили 696,02 млрд юаней, увеличившись на 95,6 % по сравнению с 2018 г., а отношение расходов на ННОКР к выручке этих предприятий достигло 3,10 %, что на 1,39 п.п. выше среднего показателя обрабатывающей промышленности [10]. За тот же период число предприятий высокотехнологичного производства выросло на 57,4 %, а доля их ННОКР в совокупных расходах обрабатывающей промышленности достигла 34,6 % [10].

Важно и то, что государственная координация в Китае распространяется на организацию исследований, а не сводится к распределению финансовых ресурсов. XIV пятилетний план предусматривает создание и развитие национальных лабораторий, развитие национальных центров инженерных и технологических исследований, совместное использование исследовательской инфраструктуры университетами, научными организациями и предприятиями. В числе приоритетных направлений выделены искусственный интеллект, квантовые технологии, наноэлектроника, сетевые коммуникации, биомедицина и современные энергетические системы [15]. Ресурсы государства сосредоточены на ограниченном круге стратегических областей, а не распределяются равномерно между всеми направлениями исследований.

Тот же принцип реализуется в механизме перехода от результатов исследований к их практическому использованию. К концу 2024 г. университеты и научно-исследовательские институты создали 2364 организации, специализирующиеся на трансфере технологий, а совокупная стоимость контрактов, связанных с передачей и практическим использованием результатов

научно-технической деятельности, достигла 226,91 млрд юаней, увеличившись на 81 % по сравнению с 2020 г. [14].

Способность экономики доводить исследования до стадии практического применения находит отражение и в динамике патентной активности. В 2024 г. заявители из Китая подали около 1,8 млн патентных заявок по всему миру, что составило 49,1 % мирового показателя против 34,6 % в 2014 г. Для сравнения, на долю заявителей из США пришлось 501,8 тыс. заявок. При этом 93,1 % патентных заявок, поступивших в Национальное управление интеллектуальной собственности Китая, были поданы резидентами страны, что является самым высоким показателем среди двадцати ведущих патентных ведомств [1].

Рост технологических компетенций проявляется и в структуре промышленного производства. По официальным данным Национального бюро статистики КНР, в 2023 г. добавленная стоимость высокотехнологичного производства увеличилась на 2,7 %, а его доля в добавленной стоимости промышленных предприятий соответствующего масштаба составила 15,7 % [3]. Дополняют картину данные о патентоёмких отраслях: в 2023 г. их добавленная стоимость достигла 16,87 трлн юаней, или 13,04 % ВВП страны, увеличившись на 0,44 п.п. за год. Наибольшие доли в добавленной стоимости патентоёмких отраслей пришлось на производство нового оборудования (28,9 %) и услуги в сфере информационно-коммуникационных технологий (23,3 %) [4].

Отдельного внимания заслуживает динамика локализации производства оборудования для полупроводниковой промышленности как одного из наиболее чувствительных направлений после введения США экспортных ограничений на передовые полупроводниковые технологии. По оценке Center for Strategic and International Studies, доля оборудования китайского производства на внутреннем рынке выросла с 25 % в 2024 г. до 35 % в 2025 г., превысив ориентир в 30 %, установленный в рамках программы «Made in China 2025». Наиболее заметные результаты достигнуты в сегментах оборудования для травления и осаждения тонких плёнок, где доля китайских поставщиков достигла около 40 % внутреннего рынка. Успехи сосредоточены прежде всего в производстве более

простых типов чипов. Китайская компания Naura поставляет значительную часть соответствующего оборудования для линии по производству чипов по технологии 28 нм на предприятии SMIC – одном из крупнейших производителей полупроводников в Китае [8]. В то же время в литографии, относящейся к наиболее технологически сложным этапам производства полупроводников, зависимость от зарубежных технологий сохраняется.

Китайская модель не устраняет внешнюю технологическую зависимость полностью – сохранение доступа к международным рынкам, оборудованию, научным знаниям и технологическим партнёрствам остаётся важной составляющей развития китайской экономики. Показателен в этом смысле пример сохраняющегося партнёрства китайских производителей с ведущими мировыми поставщиками специализированного оборудования. Нидерландская компания ASML остаётся основным поставщиком литографических систем, необходимых для нанесения микроскопических схем на кремниевые пластины, а американские компании Applied Materials и Lam Research и японская Tokyo Electron поставляют оборудование для других важных этапов производства чипов. Такое сотрудничество показывает, что даже при активном наращивании собственных технологических возможностей китайские производители сохраняют кооперацию с мировыми лидерами отрасли там, где это технологически оправдано [8]. Вместе с тем доступ иностранных компаний к китайскому рынку нередко сопровождался требованиями о передаче технологий, что в 2018 г. стало предметом торгового конфликта между США и Китаем [13]. Такие примеры демонстрируют, что технологический суверенитет проявляется не в полном отказе от внешних источников технологий, а в последовательном расширении собственной способности создавать критически важные решения и снижать уязвимость перед ограничением внешних поставок. Именно такое понимание позволяет избежать противопоставления технологического суверенитета и международной кооперации.

Опыт китайской модели для России. Для России наиболее значимым в китайском опыте представляется логика соединения отдельных инструментов

поддержки в единую систему научно-технологической и промышленной политики. Однако, применение этого опыта в российских условиях требует учёта различий в масштабе внутреннего рынка, структуре промышленности, системе государственного управления и положении национальных компаний в мировой экономике.

Долгосрочное определение технологических приоритетов на государственном уровне уже закреплено и в российской практике. В конце 2024 г. Правительством Российской Федерации утверждена национальная цель «Технологическое лидерство», в рамках которой реализуется единая система национальных проектов технологического лидерства по новым материалам и химии, биоэкономике, экономике данных, беспилотным авиационным системам и другим направлениям [6]. Институциональная логика здесь схожа с китайской – долгосрочный горизонт планирования, единая система координации, охват нескольких приоритетных отраслей одновременно. Различие пока состоит в том, что для российских национальных проектов, в отличие от китайской системы пятилетнего планирования, применяемой на протяжении уже нескольких десятилетий, накопленная статистика ограничена коротким периодом действия. В 2024 г. доля предпринимательского сектора в финансировании российской науки составила 32,2 % [2], тогда как в китайской модели именно корпоративный сектор обеспечивает более трёх четвертей внутренних расходов на НИОКР [12]. Данное сопоставление указывает на возможное направление применения китайского опыта посредством усиления стимулов для корпоративных инвестиций в исследования. Это может достигаться через налоговую поддержку, механизмы гарантированного спроса на инновационную продукцию и совместные исследовательские платформы с университетами.

Китайский опыт показывает, что наращивание расходов на НИОКР даёт более выраженный эффект тогда, когда одновременно создаются механизмы доведения разработки до промышленного применения. При оценке технологического суверенитета целесообразно учитывать не только объём внутренних расходов на исследования, численность научных кадров или

количество создаваемых технологий, но и способность экономики проходить последующие стадии инновационного цикла – от разработки до промышленного освоения и масштабирования.

Статистические данные по патентной активности показывают, что в 2024 г. российские заявители подали в Роспатент 41,4 тыс. заявок на регистрацию изобретений [5] – на фоне 1,8 млн патентных заявок из Китая, составивших 49,1 % мирового показателя [1]. Разница на два порядка отражает не только масштаб экономик, но и то, что в китайском случае патентная активность выступает результатом всей рассмотренной институциональной цепочки – от финансирования исследований до механизмов трансфера технологий, – тогда как в российской практике эта цепочка пока не выстроена настолько же плотно.

Взаимосвязь между финансированием исследований и доведением их результатов до практического применения уже заложена в российской практике. Федеральный закон от 28.12.2024 г. № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации» вводит институт карты технологической кооперации – организационной схемы внедрения технологий, включая формирование собственных линий разработки, а также фигуру квалифицированного заказчика, обеспечивающего долгосрочный гарантированный спрос на высокотехнологичную продукцию [7]. По замыслу эти инструменты близки к той связке «финансирование исследований – доведение разработки до промышленного применения», которая в китайском случае обеспечивается отдельной инфраструктурой трансфера технологий. В отличие от китайской модели, однако, где результативность такой связки уже прослеживается статистически через динамику числа специализированных организаций трансфера и стоимости заключаемых ими контрактов, для российских механизмов подобная статистика пока не накоплена – закон действует менее двух лет, и его практическая результативность ещё не может быть оценена количественно. Возможность отслеживать эффективность подобных механизмов в измеримых показателях, наряду с институционализацией связи между финансированием НИОКР и промышленным освоением их результатов,

составляет наиболее предметный урок китайского опыта для российской практики.

Заключение. Технологический суверенитет в Китае сформировался как результат последовательного выстраивания взаимосвязанной системы научно-технологического и промышленного развития, а не отдельных мер государственной поддержки: долгосрочное определение приоритетов, устойчивый рост расходов на исследования, развитие инфраструктуры и расширение участия предприятий в НИОКР при координирующей роли государства. Ключевую роль в этой системе играет способность превращать исследовательские результаты в технологии и производственные решения, что достигается прежде всего за счёт институциональных механизмов, связывающих университеты, научные организации, предприятия и специализированную инфраструктуру трансфера технологий.

Однако китайский опыт не подтверждает возможность достижения полной технологической автаркии. Даже при значительном расширении внутренней научно-технологической базы зависимость от отдельных зарубежных технологий сохраняется, что проявляется, например, в наиболее сложных сегментах производства полупроводникового оборудования. Следовательно, технологический суверенитет целесообразно рассматривать как снижение критической зависимости при одновременном расширении способности экономики самостоятельно создавать и масштабировать необходимые технологии, а не как прекращение внешнего технологического обмена.

Для российской практики важно рассматривать технологическое развитие как единый процесс, включающий финансирование исследований, формирование научно-технологических компетенций, разработку, промышленное освоение и последующее масштабирование технологий. Перспективным направлением для России в этой связи становится не только увеличение объёмов НИОКР, но и формирование механизмов, позволяющих оценивать результативность вложений через их вклад в создание и освоение критически важных технологий. Именно способность обеспечить прохождение

полного инновационного цикла от исследования до промышленного применения может рассматриваться как один из ключевых критериев устойчивости технологического развития.

Библиографический список:

1. Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС). ИС в фактах и цифрах, 2025 год: Патенты и полезные модели [Электронный ресурс]. – 2025. – URL: <https://www.wipo.int/web-publications/ip-facts-and-figures-2025/ru/patents-and-utility-models.html> (дата обращения: 07.08.2026).

2. Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. Источники финансирования российской науки [Электронный ресурс]. – 2025. – URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1089550818.pdf> (дата обращения: 16.08.2026).

3. Национальное бюро статистики Китайской Народной Республики. Коммюнике о национальном экономическом и социальном развитии Китайской Народной Республики в 2023 году [Электронный ресурс]. – 2024. – URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202402/t20240228_1947915.html (дата обращения: 07.08.2026).

4. Национальное бюро статистики Китайской Народной Республики; Государственное управление по интеллектуальной собственности КНР. Данные о добавленной стоимости патентоёмких отраслей Китайской Народной Республики за 2023 год [Электронный ресурс]. – 2024. – URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202412/t20241231_1958125.html (дата обращения: 07.08.2026).

5. Роспатент. В 2024 году российские инноваторы нарастили патентную активность [Электронный ресурс]. – 2025. – URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/19-02-2025-v-2024-godu-rossiyskie-innovatory-narastili-patentnuyu-aktivnost> (дата обращения: 16.08.2026).

6. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и

на перспективу до 2036 года» [Электронный ресурс] // Президент России. – 2024. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 16.08.2026).

7. Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России. – 2024. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51500> (дата обращения: 08.08.2026).

8. Center for Strategic and International Studies. China's Localization Drive in Semiconductors Gains Impetus from Allied Chip Export Controls [Электронный ресурс] // CSIS. – 2026. – URL: <https://www.csis.org/analysis/chinas-localization-drive-semiconductors-gains-impetus-allied-chip-export-controls> (дата обращения: 08.08.2026).

9. China's R&D spending reports steady growth in 2024 [Электронный ресурс] // The State Council of the People's Republic of China. – 2025. – 29 September. – URL: https://english.www.gov.cn/archive/statistics/202509/29/content_WS68da7d8ec6d00ca5f9a06888.html (дата обращения: 05.08.2026).

10. Communiqué on the Fifth National Economic Census (№ 6) [Электронный ресурс] / National Bureau of Statistics of China. – 2024. – URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202412/t20241226_1957893.html (дата обращения: 07.08.2026).

11. Hakobyan S., Meleshchuk S., Zymek R. Divided We Fall: Differential Exposure to Geopolitical Fragmentation in Trade [Электронный ресурс]. – IMF Working Paper № 2023/270. – URL: <https://www.imf.org/en/publications/wp/issues/2023/12/22/divided-we-fall-differential-exposure-to-geopolitical-fragmentation-in-trade-542842> (дата обращения: 02.08.2026).

12. National Bureau of Statistics of China; Ministry of Science and Technology; Ministry of Finance. Communiqué on National Expenditures on Science and Technology in 2024 [Электронный ресурс]. – 2025. – URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202510/t20251010_1961462.html (дата обращения: 03.08.2026).

13. Section 301 Fact Sheet [Электронный ресурс] // Office of the United States Trade Representative. – 2018. – URL: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/fact-sheets/2018/march/section-301-fact-sheet> (дата обращения: 18.08.2026).

14. Tech Commercialization Soars to New Heights [Электронный ресурс] // Science and Technology Daily. – 2026. – 6 January. – URL: https://www.stdaily.com/web/English/2026-01/05/content_457250.html (дата обращения: 07.08.2026).

15. The 14th Five-Year Plan for National Economic and Social Development of the People's Republic of China and the Outline of the Vision 2035 [Электронный ресурс]. – URL: <https://english.www.gov.cn/w/14thfiveyearplan/> (дата обращения: 07.08.2026).

References:

1. World Intellectual Property Organization (WIPO). IP Facts and Figures, 2025: Patents and Utility Models [Electronic resource]. – 2025. – URL: <https://www.wipo.int/web-publications/ip-facts-and-figures-2025/ru/patents-and-utility-models.html> (accessed: 07.08.2026).

2. HSE Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge (ISSEK). Sources of Financing for Russian Science [Electronic resource]. – 2025. – URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1089550818.pdf> (accessed: 16.08.2026).

3. National Bureau of Statistics of China. Communiqué on the 2023 National Economic and Social Development of the People's Republic of China [Electronic resource]. – 2024. – URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202402/t20240228_1947915.html (accessed: 07.08.2026).

4. National Bureau of Statistics of China; China National Intellectual Property Administration. Data on the Value Added of Patent-Intensive Industries of the People's Republic of China for 2023 [Electronic resource]. – 2024. – URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202412/t20241231_1958125.html (accessed: 07.08.2026).

5. Rospatent. In 2024, Russian Innovators Increased Their Patent Activity [Electronic resource]. – 2025. – URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/19-02-2025-v->

2024-godu-rossiyskie-innovatory-narastili-patentnuyu-aktivnost (accessed: 16.08.2026).

6. Decree of the President of the Russian Federation № 309 of May 7, 2024 «On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Prospect up to 2036» [Electronic resource] // President of Russia. – 2024. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (accessed: 16.08.2026).

7. Federal Law № 523-FZ of December 28, 2024 «On Technological Policy in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» [Electronic resource] // President of Russia. – 2024. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51500> (accessed: 08.08.2026).

8. Center for Strategic and International Studies. China's Localization Drive in Semiconductors Gains Impetus from Allied Chip Export Controls [Electronic resource] // CSIS. – 2026. – URL: <https://www.csis.org/analysis/chinas-localization-drive-semiconductors-gains-impetus-allied-chip-export-controls> (accessed: 08.08.2026).

9. China's R&D spending reports steady growth in 2024 [Electronic resource] // The State Council of the People's Republic of China. – 2025. – 29 September. – URL: https://english.www.gov.cn/archive/statistics/202509/29/content_WS68da7d8ec6d00ca5f9a06888.html (accessed: 05.08.2026).

10. Communiqué on the Fifth National Economic Census (No. 6) [Electronic resource] / National Bureau of Statistics of China. – 2024. – URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202412/t20241226_1957893.html (accessed: 07.08.2026).

11. Hakobyan S., Meleshchuk S., Zymek R. Divided We Fall: Differential Exposure to Geopolitical Fragmentation in Trade [Electronic resource]. – IMF Working Paper № 2023/270. – URL: <https://www.imf.org/en/publications/wp/issues/2023/12/22/divided-we-fall-differential-exposure-to-geopolitical-fragmentation-in-trade-542842> (accessed: 02.08.2026).

12. National Bureau of Statistics of China; Ministry of Science and Technology; Ministry of Finance. Communiqué on National Expenditures on Science and Technology in 2024 [Electronic resource]. – 2025. – URL:

https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202510/t20251010_1961462.html
(accessed: 03.08.2026).

13. Section 301 Fact Sheet [Electronic resource] // Office of the United States Trade Representative. – 2018. – URL: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/fact-sheets/2018/march/section-301-fact-sheet> (accessed: 18.08.2026).

14. Tech Commercialization Soars to New Heights [Electronic resource] // Science and Technology Daily. – 2026. – 6 January. – URL: https://www.stdaily.com/web/English/2026-01/05/content_457250.html (accessed: 07.08.2026).

15. The 14th Five-Year Plan for National Economic and Social Development of the People's Republic of China and the Outline of the Vision 2035 [Electronic resource]. – URL: <https://english.www.gov.cn/w/14thfiveyearplan/> (accessed: 07.08.2026).

Для цитирования: Бондаренко Н.Е., Орлова М.А., Китайская модель формирования технологического суверенитета: механизмы и возможности применения в России / Российский экономический интернет-журнал. – 2026. – № 3. URL:

© Бондаренко Н.Е., Орлова М.А., Российский экономический интернет-журнал 2026, № 3